

криминальная мелодрама

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Продавец иллюзий,
или Маска страсти

Екатерина Гринева

**Продавец иллюзий,
или Маска страсти**

«ЭКСМО»

2013

Гринева Е.

Продавец иллюзий, или Маска страсти / Е. Гринева — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-63112-4

Каждая девушка мечтает о принце. Насте повезло: в своем захолустье она встретила именно его: Александр влюбился в нее с первого взгляда и в тот же день увез в Москву, в шикарную квартиру! Однако, как известно, чудес на свете не бывает: в один отнюдь не прекрасный день Настя застала мужа с темноволосой любовницей Аллой. Алла почему-то назвала обманутую жену Мариной, а вскоре красавицу-брюнетку убили и обвинили в этом преступлении... Настю! Так девушка оказалась вне закона, и надеяться ей было абсолютно не на кого, кроме... Вадима, телохранителя ее мужа, который, похоже, знал о нем гораздо больше законной жены...

ISBN 978-5-699-63112-4

© Гринева Е., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Наши дни	5
Три недели назад	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Екатерина Гринева

Продавец иллюзий, или Маска страсти

Наши дни

– Марина... Марина... – голос доносился до меня как бы издалека. Я слышала и не слышала его. Мне все снится? Или это происходит наяву? Я не могла открыть глаза, как ни силилась. Веки были тяжелыми, как будто бы к ним был привязан груз.

– Марина!.. Марина! Ты слышишь меня?

Я хочу сказать, что «да», но не издаю ни звука.

– Марина... – Мне кажется, что меня тормозят за плечо, потому что боль немедленно отдается во всем теле, пронзает всю меня. Я открываю рот и кричу... Или издаю какие-то звуки, похожие на судорожное покашливание... Я вся дрожу, мое тело сотрясается, и я снова слышу, как чей-то слабый голос доносится до меня.

– Девочка моя, ты жива?

Наверное, все-таки какие-то звуки долетели до человека, сидевшего около меня, потому что его голос звучит все настойчивее и радостнее.

– Марина! Ты жива! И это – чудо.

Голос мужчины, и он мне незнаком. Впрочем, я не могу ничего осмыслить или понять, потому что в голове стреляет и тяжело дышать. Может быть, я сейчас умру? Похоже, что эта мысль меня жутко напугала, и я кричу. Или думаю, что кричу. В голове внезапно что-то взрывается и мелькает мысль: «Неужели это конец?»

Я открываю глаза и натываюсь взглядом на пожилую женщину с усталыми карими глазами. Она смотрит на меня, а я – на нее.

Она дотрагивается до моего лба и спрашивает, наклонившись надо мной:

– Как ты себя чувствуешь?

Она говорит, четко произнося слова, я ее слышу и пытаюсь сказать, что хорошо, но губы не разлепляются, и кажется, я выдавливаю слабое подобие улыбки. Но она меня понимает и поэтому согласно кивает головой.

– Все хорошо, да?

Я моргаю, и она снова кивает.

– Вот и умница! Все будет хорошо. Не сомневайся.

Она разговаривает со мной как с маленьким ребенком, и мне действительно думается, что все будет хорошо.

На ее лице внезапно появляется выражение сосредоточенности и тревоги. Как будто бы на море набежал ветерок и поднял волны. Эту тревогу я вижу в ее глазах, она уже плещется через край. Мне тоже становится страшно, хочется убежать, куда-то скрыться, спрятаться под одеяло... В палату врывается вихрь и заполняет все пространство – это высокий загорелый мужчина в сером костюме и желтом галстуке. Галстук идет к его светло-пшеничным волосам и ярко-голубым глазам. Мужчина наклоняется и всматривается в меня. А я – в него.

– Марина! – выдыхает он. – Моя Мариночка!

Мне становится неловко: я не знаю этого мужчину, но в его голосе столько нежности и заботы, что я часто-часто моргаю.

– Как она? – Он поворачивается к пожилой женщине с усталыми глазами.

– Очнулась, Александр Викторович, – выдыхает она. – Слава богу! Очнулась.

– Да-да, – нетерпеливо говорит он. – Спасибо, Варвара Алексеевна, за уход.

– Старалась, ухаживала...

– Маришка! – он целует меня в лоб, а я беспокойно ерзаю. От мужчины пахнет хорошим одеколоном, он высокий, шумный, большой, в его присутствии я словно съеживаюсь в размерах и становлюсь маленькой-маленькой. Мне неуютно и хочется снова остаться наедине с Варварой Алексеевной. С ней хорошо, и от нее пахнет валерьянкой, этот запах меня успокаивает. Но мужчина не уходит... Напротив, он придвигает стул и садится ближе ко мне.

– Мариш! Я так ждал этого момента...

Я не понимаю его, более того, не знаю!

Но он с таким обожанием смотрит на меня, что мне становится неловко: как я могу сказать, что он мне незнаком? Как?

Он берет мою руку в свою и целует кончики пальцев. Нежно, бережно. Мне хочется отдернуть руку, я пытаюсь освободиться. Он внимательно смотрит на меня и еще крепче сжимает мою руку.

– Я чуть не умер вместе с тобой, понимаешь? – эти слова он сказал шепотом, наклонившись надо мной. Его страстный взгляд обжег меня, и я мучительно выдавила улыбку. Может быть, я потом сумею что-то понять. Потом... но не сейчас, когда в голове время от времени стреляет, а во рту сухо и хочется пить.

– Пить, – прошептала я. – Хочу пить...

Его глаза сузились.

– Да-да. Варвара Алексеевна. Это к вам.

Она мгновенно подлетает ко мне.

– Одну минуту, я сейчас... здесь есть вода. Но я сейчас... свеженькой... сию минуту.

Сиделка ушла, и мы остались вдвоем. И снова я испытала странное чувство: мне хочется убежать от этого человека, хотя он очень красив и многие женщины мечтали бы остаться с ним наедине и желали бы, чтобы он целовал их пальцы. Многие, но не я! По моей спине проходит дрожь, сердце отчаянно бьется, я ощущаю себя словно в западне...

Мой собеседник с удивлением смотрит на меня. Он явно не понимает моего поведения и не может этого скрыть.

– Что-то случилось, Мариночка? – в голосе бесконечная нежность и забота. Но мне от него ничего не нужно. Ничего. Подумав, я нахожу выход: закрыть глаза и притвориться спящей. Может быть, тогда он уйдет и оставит меня в покое? Я так и сделала... Но Александр никуда не ушел, он сидел рядом, и я слышала его дыхание близко-близко.

Внезапно он наклонился ко мне и поцеловал. Властно, сильно. Так, что мои губы заныли... Я открыла глаза, и мне показалось, что в его взгляде мелькнула насмешка... Или это игра моего воображения?

Он погладил меня по волосам.

– Маленькая! Сколько же ты натерпелась, и я вместе с тобой. Если бы с тобой что-то произошло... – он покачал головой, и между бровей пролегла складка.

«А что произошло?» – так и подмывает спросить. Что? Судя по всему, я попала в автокатастрофу? Или это было что-то другое? Я счастливо отделалась? Раз я жива-здоровая? Я даже не знаю, что у меня повреждено... Может быть, спросить? Но... как-то неудобно. Решат, что у меня не все в порядке с головой, раз я спрашиваю такое. Мне не хочется, чтобы обо мне так думали, и я молчу. Лучше я потом аккуратно порасспрашиваю Варвару Алексеевну, когда Александр уйдет. Кстати, кто он? Мой муж, жених? Друг? Нет, друг отпадает сразу. Явно муж или жених? Я не знаю, кто он... и этот мужчина меня пугает. Почему? Почему мне так неуютно в его присутствии... Я теряюсь в догадках, не зная ответа на этот вопрос.

– Ты лежи. Отдыхай, – ласково говорит он мне. – Поправляйся. Я хочу, чтобы ты поскорее выздоровела. Это мое единственное желание.

Я снова закрываю глаза. Мне плохо. Перед глазами мелькают какие-то разноцветные круги, черные и золотистые точки – все прыгает, мельтешит, мне кажется, что сейчас я хлопнусь в банальный обморок... Наверное, что-то отразилось на моем лице, потому что Александр заботливо наклоняется надо мной.

– Тебе плохо? Ты что-то побледнела...

– Все нормально, – выдавливаю я.

– Вот и отлично. – Он целует меня в лоб.

Появляется Варвара Алексеевна с подносом, на котором стоит стакан воды. Она протягивает стакан, Александр приподнимает мне голову, и я жадно пью. Вода стекает по подбородку, Александр вытирает его своим пальцем. По моей спине проходит дрожь. И это не укрылось от мужчины.

– Маленькая, ты дрожишь, – шепчет он мне и сжимает руку, вытянутую поверх одеяла.

Я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. Больше всего мне хотелось остаться одной, но если бы я высказала это желание вслух, меня бы неправильно поняли.

Александр был мужчиной-мечтой многих женщин. Подтянутый, загорелый, белоснежная улыбка, хороший парфюм, дорогой костюм. А мне хотелось... поскорее от него избавиться. Но это желание приходилось из всех сил скрывать.

Александр смотрит на часы и невольно хмурится.

– Пора! – бросает он в воздух. – Дела заели. Для тебя стараюсь, маленькая...

Он приподнимается со стула и целует меня в лоб.

– Скоро я приду опять. Жди.

Я моргаю и улыбаюсь, что означает согласие.

Александр ушел, Варвара Алексеевна посмотрела на меня озабоченно.

– Сейчас температурку померяем, – сказала она, ощупывая мой лоб. – Вроде бы нормальная, но померить нужно обязательно. Вчера еще высокая была, тридцать семь и семь. А сегодня – спала. Но лучше перестраховаться в таком деле. – Голос Варвары Алексеевны звучит на одной ноте, без пауз, и я чувствую, как этот звук отдается в мозгу. Голова становится сонной, и хочется спать. Глаза слипаются, но неугомонная Варвара Алексеевна ставит мне градусник под мышку, и я ощущаю его прохладу.

– Подержи немного, посмотрим, что там у тебя сегодня, – говорит она.

Я смотрю на Варвару Алексеевну: у нее доброе круглое лицо, над верхней губой пробиваются едва заметные усики. Бывают такие женщины, глядя на которых сразу возникает мысль о домашнем уюте, вкусных пирогах и накрахмаленных скатертях. Варвара Алексеевна именно такая женщина. Она внушает мне чувство доверия, и я решаюсь спросить.

– Александр... мой муж... – я сказала эти слова полувопросительно-полуутвердительно. Сиделка внимательно посмотрела на меня.

– Александр Викторович – золотой человек. О таком муже каждая мечтает! Добрый, внимательный. Когда с вами эта беда приключилась, он чуть с ума не сошел!

У меня на языке вертится следующий вопрос: «Какая беда?» Но я молчу, понимая, что это уже слишком. Я привлеку внимание, и после больницы меня упекут в психушку, а я этого не хочу... Со мной все в порядке... Все хорошо...

Мои веки тяжелеют, я чувствую, как вытаскивают градусник и громко говорят: «Тридцать шесть и шесть».

– Слава богу!

Но я уже провалилась в крепкий сон.

Мне снится темный лес. Какой-то странный, деревья большие, кряжистые, с тяжелыми ветками, которые гнутся прямо к земле. И тесное пространство между деревьями усыпано этими ветками. Я ступаю прямо по ним, спотыкаюсь, но иду вперед. Я не знаю, куда я иду и зачем, но упрямо шагаю по лесу, словно меня кто-то гонит вперед. Какое время суток – непо-

нятно. Либо поздний вечер, либо ночь. Я поднимаю голову, но небо – в тучах, звезд нет. Я иду почти на ощупь, раздвигая ветки руками. Внезапно поднимается сильный ветер, он врывается в лес и буквально сбивает меня с ног. Но несмотря на ярость ветра, я иду вперед, наклонив голову и отбиваясь от веток, которые стегают меня по рукам, ногам и лицу.

Такое чувство, что лес никогда не кончится и я непременно упаду и уже не встану, но что-то придает мне силы, и больше всего я боюсь, что они внезапно иссякнут. Мне хочется пить, я бы отдала все за чашку воды, но понимаю, что взять ее неоткуда.

Вдруг впереди я вижу просвет. Неясную полосу, чуть светлее темного леса и неба. Я ускоряю шаг и пытаюсь бежать, но ветер мешает это сделать... Я падаю, но сразу вскакиваю на ноги и иду к этому заманчивому просвету. Это вода. Река. Я как зачарованная смотрю на нее. Мне нужно переплыть эту реку. Иначе я навсегда останусь здесь, в этом лесу. Но вода одновременно манит и пугает меня. Я стою и не знаю, что делать. Похоже, у меня нет выхода, я должна выбраться отсюда. Непременно.

Я ныряю в воду, и меня сразу сковывает ледяной холод. Руки-ноги немеют, вода забивается в рот, и я судорожно, рывками, плыву вперед. Река неширока, я вижу противоположный берег, куда мне нужно попасть. И это придает мне силы. Вдруг что-то тяжелое обвивается вокруг меня, и я пытаюсь избавиться от него. Я отталкиваю непонятный «предмет» руками и ощущаю чужую руку. Неожиданно человек всплывает на поверхность. Это оказывается женщина, лицо которой закрывают волосы... Я испуганно кричу... и просыпаюсь.

Мое сердце гулко бьется, и я не могу отдышаться. В комнате было темно, только около двери горел ночник, а за ней угадывалась чья-то фигура. Варвара Алексеевна?

Я спустила ноги с кровати и попыталась подняться. Голова дико закружилась, и я упала обратно. Сильно болело бедро. На тумбочке стоял стакан с водой. Я жадно пила из него большими глотками, мне хотелось пить еще и еще... Поставив пустой стакан обратно, я растянулась на кровати и натянула одеяло до подбородка. Какое-то время я лежала без сна, а потом незаметно уснула.

Проснувшись я от бодрого энергичного голоса. Я испуганно открыла глаза и сразу наткнулась на взгляд мужчины среднего возраста в белом халате, в очках. У него было крупное, как иногда говорят, породистое лицо и выразительные губы. Очки были с толстыми стеклами, и взгляд из-за этого был похож на взгляд рыбы-телескопа.

– Вы очнулись? – громко спросил он, потирая руки. – С вами все в порядке?

«Нет. Не все и не в порядке», – хотелось сказать мне, но слова застряли в горле. Я уже поняла, что мне лучше молчать, пока я не узнаю... кто я... При этой мысли я улыбнулась. Как это забавно: даже не знать собственного имени!

– С вами все в порядке? – повторил свой вопрос доктор.

– Да, – выдавила я.

– Отлично! – Он снова потер руки. Он разговаривал со мной как с первоклашкой. – Голова болит?

– Нет.

– За-ме-ча-тель-но! – с расстановкой произнес он. – Вы на пути к полному и окончательному выздоровлению. Вы пациентка, которой я горжусь.

– Спасибо!

Здесь он захохотал, как будто бы я сказала что-то неприличное или очень смешное.

– Спасибо, как говорится, вам, а не мне. Я скромный врач и выполняю свой долг. Только и всего. А вы... вы супруга большого человека, и моя обязанность поставить вас скорее на ноги. Ваш муж – очаровательный тиран, он каждый день пытал меня: сколько вы еще будете валяться без сознания на койке, и мне приходилось с трудом его успокаивать. Я несколько раз думал, что он просто меня приберет. Но нет, обошлось!

– Я поговорю с ним, чтобы он вас... не тиранил, – сказала я.

– Боже мой! – замахал руками врач. – Оставьте! Он вас не слушает. Он никого не слушается. Никого и никогда. Я его знаю. Поэтому – оставьте.

– Хорошо. Не буду.

Краем глаза я видела Варвару Алексеевну, которая держалась на расстоянии.

– Полежите здесь денька два-три, и мы вас выпишем. Поедете к себе, там и отдохнете.

Сколько вопросов вертится у меня на языке, но я проглатываю их. И молчу.

– Дмитрий Олегович! – вставила Варвара Алексеевна. – Лекарства давать прежние?

– Да-да. Пока оставляем все как есть. Пусть наша красавица скорее идет на поправку.

Сделаем все, что от нас зависит.

В следующие десять минут он меня осматривает: заставляет высунуть язык, щупает горло, трогает лоб и руки.

– Вроде нормально, пациентка идет на поправку, – и он подмигивает мне.

Я слабо улыбаюсь в ответ. Чем-то мне этот доктор нравится – своей энергией, напором, приветливостью. Именно таким и должен быть доктор: не внушать уныния, а пытаться убедить больного, что у него все в полном порядке. Даже если это не так. Не случайно говорят, что если хандрить, то болезнь разовьется еще больше...

– Такой вы мне больше нравитесь, – улыбнулся в ответ Дмитрий Олегович. – Оставайтесь такой всегда. Договорились?

Я кивнула в ответ. Мне было еще трудно говорить.

– Отлично! Варвара Алексеевна! – позвал он сиделку и, понизив голос, стал говорить с ней на медицинские темы.

Я, закрыв глаза, ощущала, что впадаю в дрему. Все-таки я была еще очень слаба, и поэтому клонило в сон.

Проснувшись я от того, что кто-то стоял надо мной. Я почувствовала человека раньше, чем открыла глаза. Это была Варвара Алексеевна. Ее глаза смотрели на меня сочувственно-внимательно.

– Проснулись? Пора лекарство принимать. Есть-то хотите?

Аппетита не было. Но я подумала, что если я буду есть, то скорее поправлюсь.

– Что-нибудь легкое.

– Ну конечно, легкое... мясной бульончик и пюре картофельное с куриной котлеткой. А позже – ваш любимый клубничный мусс.

– Мой любимый?

– Так Александр Викторович сказал, это ваша любимая еда.

– Ах да! – я подумала: сколько раз я буду попадать впросак, ведь я не знала ни своей любимой еды, ни одежды, ни вкусов и пристрастий... Меня охватила настоящая паника: если я не сумею подстроиться под саму себя, реально существующую Марину, то меня точно упекут в психушку, лучше скрывать провалы в памяти до последнего. И попытаться как-то начать вспоминать... Может быть, почитать, когда выйду, соответствующую литературу по этому вопросу.

– Хорошо, – согласилась я. – Я действительно люблю мусс. Просто как-то об этом... забыла. Голова... – для большей убедительности я дотронулась до своей головы. – Болит и раскалывается.

– Ах, боже мой, – запричитала сиделка. – Что же вы мне сразу-то не сказали? Я бы вам таблетку дала. Зачем терпеть-то?

– Я не так выразилась. У меня она только что заболела...

– Ничего страшного. Одна таблетка – и голова пройдет. Примите.

Варвара Алексеевна достала из кармана халата упаковку с таблетками и оторвала одну.

– Вода на тумбочке. – На тумбочке стоял стакан с водой, как и вчера. Я замолчала.

– Это я, наверное, разболталась, вот у вас голова и заболела. Вы лежите, отдыхайте, – голос Варвары Алексеевны звучал монотонно, как течет вода в ручье. Ее голос успокаивал; меня от него тянуло в сон. Как же я была слаба!

Я лежала в полусне-полуяви. Я никак не могла провалиться в полноценный и долгожданный сон, и вдруг странное предчувствие сковало меня. Это был не просто страх, это был настоящий ужас... он рождался где-то в глубине меня и сковывал все движения, казалось, я не могу пошевелить даже пальцем. Голос тоже сел... Я вдруг поняла, что здесь *кто-то* есть... может быть, таким образом обострилась моя интуиция за то время, что я была между жизнью и смертью? Я не знаю.

Сон как рукой сняло. Каждый звук моментально отзывался в мозгу: каждый шорох, каждый скрип... Я хотела крикнуть и позвать Варвару Алексеевну, но не могла. Голос сел.

«Да что же это такое, – испуганно подумала я. – Что творится... Кто здесь? Зачем?»

Собрав силы, я сползла с кровати и спряталась под ней. Одеядо свешивалось почти до пола, и, наверное, если бы кто-то заглянул в комнату, у него сложилось бы впечатление, что я куда-то ненадолго вышла. Может быть, в туалет.

Раздались тяжелые шаги. Я замерла, сжав руки в кулачки. Дверь распахнулась, и кто-то подошел к кровати. Я зажала себе рот рукой, чтобы не закричать от страха. Мне были видны только ботинки – тяжелые мужские ботинки с толстой подошвой, напоминающие армейские. Постояв какое-то время около кровати, неизвестный развернулся и, судя по звукам, ударом ноги распахнул дверь в туалет. Потом хлопнула входная дверь, и я перевела дух. Что делать дальше – я не знала. У меня не было телефона, чтобы кому-нибудь позвонить, убежать далеко я вряд ли бы сумела... просто потому, что у меня не было сил двигаться. Я выползла из-под кровати и только собралась лечь обратно, как снова раздались шаги. Теперь их уже было несколько, как будто бы шел армейский взвод. Я с трудом дошла до ванной, держась за стенки рукой, и встала там у двери, предварительно закрыв ее. Щеколды не было. Я оставила маленькую щелку, чтобы наблюдать за происходящим. Только я очутилась в ванной, как вошли трое в черных брюках и черных куртках. Одного я видела со спины, другого – в профиль, третий вертел головой по сторонам.

– Где она? – сказал один из них.

– Когда я вошел, ее уже не было.

– Бля... и что нам делать? – в голосе высокого, того, кто стоял в профиль, слышалась растерянность.

– Она не могла никуда уйти.

– Надо поискать.

– В туалете смотрел?

– Да.

Я застыла на месте и, пошатнувшись, сползла на пол. Он может захотеть проверить еще раз. К тому же, когда он уходил, дверь была открыта. А сейчас она закрыта...

Нечеловеческий страх, как ни странно, придал мне силы. Я подняла голову. Над унитазом было небольшое окно. Если изловчиться, то можно выбраться наружу. Судя по всему – второй этаж, не разобьюсь, все равно другого выхода нет.

Я подергала шпингалет окна, он не поддавался, я боялась дернуть посильнее, чтобы не зашуметь, но вдруг раздался тонкий пронзительный звук, и я застыла на месте. Этот звук был похож на вой сирены.

Я сползла на пол, подтянув к себе колени, и заткнула уши руками. Это был конец. Глупый бесславный конец.

Раздались автоматные очереди; они прошли пространство, отдаваясь в моем мозгу. В унисон им звучали гортанные резкие крики; стреляли и стреляли, я кричала, не слыша своего голоса, и вдруг неожиданно почувствовала, как кто-то гладит меня по щекам.

Я открыла глаза и увидела Александра, склонившегося надо мной. Я вспомнила автоматные очереди и зарыдала во весь голос. Он подхватил меня на руки и отнес в кровать.

Я рыдала, цеплялась руками за Александра, плакала...

Он гладил меня по голове и успокаивал:

– Ты что, маленькая, что ты... испугалась? Это я виноват: оставил тебя одну, я не должен был этого делать. Прости, больше я тебя не оставлю. Дмитрий Олегович сказал, что тебе лучше, опасности для жизни нет никакой, и ты можешь переехать к нам, в загородный особняк... Там тебе будет лучше, за тобой будет уход... Я с тебя глаз не спущу, буду беречь и холить. С тобой ничего не случится. Поверь мне! Ничего...

– Да? – Я подняла к нему заплаканное лицо. – Это правда?

Больше всего после этого жуткого налета мне хотелось остаться в полной безопасности, оказаться в месте, где меня никто не найдет.

– У нас есть коттедж? А когда мы туда поедem? Это далеко?

– Маленькая, ты и правда серьезно больна, – муж поцеловал меня в лоб. – Ты не помнишь наш коттедж? Не помнишь, как мы там все любовно расставляли и покупали мебель? А помнишь, как ты приобрела большого белого мишку с красным шарфиком и сказала, что он будет стражем нашего дома?

Я прислушалась к себе: никаких ассоциаций при слове «белый мишка с красным шарфиком» у меня не возникло. Неужели я и правда так больна, что в моей памяти образуются провалы и я не могу ничего вспомнить? Плохи же мои дела! К тому же на меня охотятся... Зачем? Кому я нужна? Какие тайны храню, если моя голова – дырявое решето и я ничего не могу вспомнить. Что хотят от меня эти люди?

– А кто... они?

– Не знаю, маленькая...

Я нервно рассмеялась и уткнулась в плечо Александра.

– Я исправлюсь, – сказала я и улыбнулась. – Я буду послушной и выздоровлю. Обязательно. Только... – я провела пальцем по его щеке, – будь рядом со мной. Хорошо? Не оставляй меня больше одну.

Прикосновение к щеке тоже не вызвало во мне никаких эмоций. Неужели этот человек – мой муж и я с ним ложилась в одну постель... Этот мужчина был мне чужим. Я нахмурилась. Моя задача: скрывать собственное состояние от мужа и окружающих, иначе меня упекут в психушку. А я туда не хочу, я не ненормальная. Просто... Просто... что-то случилось с моей памятью. Но, возможно, она восстановится и все будет в порядке. Только нужно подождать.

Я вытерла слезы тыльной стороной ладони и широко улыбнулась, посмотрев на мужа снизу вверх.

– Все в порядке? – шепнул он, целуя меня в нос.

– Да. Когда ты рядом... – я не закончила фразу, вошла Варвара Алексеевна.

– Как вы? Это я виновата, – запричитала она, – не надо было уходить, но я пощупала лоб – жара не было, вот я и ушла. Кто были эти бандиты, боже мой, совсем распоясались уголовники...

– Не надо, – оборвал сиделку Александр. – Не надо больше ни о чем напоминать. Это лишнее. Сейчас вернутся эти воспоминания... и Марина будет плакать.

– Да-да, конечно, – услужливо поддакнула Варвара Алексеевна. – Я все поняла.

– Оставьте нас одних.

Сиделка ушла, и мы остались вдвоем.

– Теперь ты можешь поспать.

– Нет, – помотала я головой, – я не усну. И даже не проси.

– Но тебе обязательно надо поспать, прежде чем...

– Прежде чем?..

– Все потом. Главное – успокойся и подремли хотя бы полчаса.

Он накрыл меня одеялом, убавил свет ночника, и мягкий желтый свет разлился по комнате. Я прикрыла глаза. Я видела, как мой муж подошел к окну и, вынув из кармана сотовый, набрал какой-то номер. Он говорил тихо, и слов я почти не слышала. Незаметно я уснула и проснулась от того, что кто-то брал меня на руки. Я открыла глаза: двое мужчин склонились надо мной. Я собиралась вскрикнуть, но один из них зажал мне рот рукой.

– Тише... свои...

Я замотала головой.

– Твой муж, – тихо, наклоняясь к моему лицу, сказал мужчина. – Он сейчас придет. Отлучился ненадолго.

Я замерла, не зная: верить ему или нет. Слабо хлопнула дверь, и через минуту я уже видела лицо Александра.

– Напугали? Прости... я должен был тебя предупредить, но не хотел тревожить раньше времени... Мы уезжаем отсюда. И чем незаметней это сделаем, тем лучше... Мы покидаем больницу тайком, чтобы нас никто не видел.

– Почему? – вырвалось у меня.

– То нападение... маленькая... – и он погладил меня по голове, – было совершено не случайно. Эти люди имеют своего человека среди персонала. Лучше принять меры предосторожности, чем подвергнуться снова такой опасности. Ты меня понимаешь?

Я все понимала, даже слишком хорошо. Налет был тщательно спланирован и сорвался по чистой случайности. Но чем я могла помочь им?! Женщина с дырявой головой, которая ничего не помнила из своего прошлого, которая и настоящее-то воспринимала с трудом.

– Хорошо, – я кивнула. – Я сделаю все, как ты захочешь.

– Умница! – Муж погладил меня по щеке, и его палец, твердый, жесткий задержался на скуле и слегка надавил на нее, как бы проверяя упругость кожи.

И опять жест не вызвал никакого отклика во мне. Мало того, что я потеряла память, я еще потеряла и всякую чувствительность...

Я сдвинула брови.

– А куда мы едем?

– Домой, в коттедж... Там ты полностью придеешь в себя. Я обещаю. Я окружу тебя заботой и вниманием, ты больше никогда не останешься одна... Это я во всем виноват!

– Не надо, – я скосила глаза. Мужчины теперь находились чуть поодаль, они не смотрели на нас, но все равно мне было очень неловко.

Следующие полчаса я помнила очень плохо, мы покинули палату и шли какими-то коридорами, вернее шли мои сопровождающие, которые несли меня на руках по очереди. Я была очень слаба и временами чувствовала во рту тошнотворный привкус страха и отчаяния. За окном была настоящая темень, в коридорах тоже было хоть глаз выколи, только кое-где слабый свет пробивался из-под дверей. Несколько раз меня тряхнуло, но я, стиснув зубы, даже не охнула: я боялась, что нас обнаружат и начнется перестрелка. Я считала про себя, желая, чтобы все скорее кончилось. Муж шел впереди, изредка оборачиваясь и улыбаясь. Я робко улыбалась в ответ, стараясь не показать своего страха и отчаяния. Этот путь был для меня туннелем, из которого, как мне казалось, мы никогда не выберемся. Или норой, куда угодила Алиса. В детстве, когда я смотрела этот мультик, мне почему-то казалось, что Алиса никогда не приземлится, а будет лететь и лететь вниз... И сейчас я сама себе напоминала Алису, только я не знала, какой конец будет у моей истории, учитывая недавнее нападение. В этом месте мне захотелось соскочить с рук и бежать. Бежать вперед... Но тут открылась дверь, и мы наконец вышли на улицу. Небо было как дырявая черная простыня, с которой светили маленькие светлячки – звезды. Потянуло холодом, и я вдруг почувствовала, как замерзла, но даже не могла обхватить себя руками и согреться... Впереди черной глухой стеной тянулся лес, на минуту

мне показалось, что он непроницаем, и если зайти в него, то можно расшибить лоб и тело. Не успела я додумать свою мысль, как мужчина, у которого я была на руках, нырнул под черные разлапистые ели, и ветки вяло хлестнули меня по лицу. Я зажмурилась. Из одного туннеля мы нырнули в другой, и теперь я словно плыла по длинной черной реке. Ветки щекотали лицо и руки, и вдруг мы вышли на дорогу, где стояли две машины, похожие на окаменевших зубров.

Муж обернулся, и тот, кто нес меня на руках, быстрым шагом подошел к машине, и я оказалась внутри. Я легла на заднее сиденье и попыталась встать, опираясь о спинку кресла водителя. За руль сел другой мужчина, а рядом с ним – муж. Он обернулся ко мне и спросил хриплым голосом:

- Все в порядке? Скажи хоть что-нибудь.
- В порядке, – ответила я шепотом. – А что, уже все?
- Нет, «все» будет, когда приедем домой. Потерпи еще немного.
- Конечно... а скоро мы будем дома?
- Не знаю. Смотря как поедет. Можешь поспать в дороге.

Я провалилась в тяжелую дрему, а когда очнулась, то увидела, как лучи-фары шарят по чугунным воротам, из которых вышел, шурясь, охранник, и как он чуть ли не бегом рванул к нашей машине. Я подняла голову.

- Мариночка! Все! Приехали.

Ворота распахиваются, и мы подъезжаем к дому, в котором на первом этаже горит свет. Дом нависает надо мной кораблем-громадой, и я невольно съеживаюсь. Меня подхватывает на руки мужчина, который сидел за рулем, и мы идем к дому. Впереди муж, мы за ним, и замыкает шествие охранник.

На крыльце стоит какая-то женщина, кутаясь в платок.

- Эльвира Николаевна, мы приехали.
- Ну, слава богу! – вырывается у нее. – Я так беспокоилась...
- Да-да...

В холле, куда меня внесли, зажгли свет, и я с удивлением смотрю вокруг: незнакомая большая комната, заставленная светлой мебелью, камин, около камина два кресла... Резной буфет с дверцами, за стеклами которого поблескивает посуда.

– С приездом! – мужчина опускает меня на пол, и я чуть не падаю, но муж поддерживает, и я крепко вцепляюсь ему в рукав. – Я отнесу тебя наверх, в твою спальню. Хорошо?

Муж подхватывает меня и несет на второй этаж. Я прижимаюсь к нему и по-прежнему ничего не чувствую. «Но это пройдет, – думаю я. – Обязательно пройдет. Это близкий мне, родной человек, и мы снова будем вместе. Обязательно».

Александр вносит меня в спальню – большую комнату в белых тонах. Кровать, накрытая белоснежным покрывалом, белая мебель, резной шкаф с позолотой, трюмо, стулья с гнутыми ножками. А в углу – большой игрушечный белый мишка в красном шарфике и с красным сердечком в лапах.

– Помнишь? – шепчет муж. – Помнишь этого мишку, как мы его покупали, а потом принесли сюда и любили друг друга прямо на полу, а мишка смотрел на нас. Ты еще сказала, что он тебе сразу ужасно понравился, и ты захотела его купить, потому что у тебя был такой в детстве, только поменьше.

Я не помню ни мишки, ни своего детства. Но, похоже, меня теперь это даже не пугает. Я уже свыклась со своим состоянием полного беспомыслия, и главное для меня – умело все скрывать.

- Помню, – прошептала я, – ужасно спать хочется.

– Да-да, я понимаю. Ты столько натерпелась, бедная, я страшно рад, что ты – здесь, рядом со мной, под надежной охраной. И я больше тебя никуда не отпущу. Как тогда... Я думал, что умру вслед за тобой. Но ты спаслась... Бог услышал мои молитвы и вернул мне тебя.

– Да-да, – я уже почти окончательно впадаю в сон, я ничего не понимаю, и мне хочется только одного – отключиться.

Он укладывает меня на кровать и стягивает одежду. Аккуратно, словно боясь причинить мне боль своими прикосновениями.

Его руки невесомо скользят по мне. Я даже не чувствую никакого стеснения или стыда.

– Я тоже рада, что я здесь.

Раздев, он укрывает меня одеялом и целует в лоб.

– Сладких снов, маленькая. До завтра!

Проснувшись, я открываю глаза и первое время не понимаю, где я. Солнце проникает в комнату сквозь тончайший тюль, и в воздухе пляшут золотые искорки. Я с трудом встаю и вспоминаю вчерашний день. Я дома! Я у себя дома!

Но я не помню ни этого дома, ни себя... Не помню белого мишки в углу с сердечком в лапах. Словом, я не помню ничего!

Белое покрывало все в сложных замысловатых узорах, я силюсь вспомнить: когда я его покупала, или я выбирала все по каталогу, а потом мне привезли сюда? И когда я обставила этот коттедж? Как давно мы женаты? Год, два, три, пять? Детей, судя по всему, у нас нет?

Я снова откинулась на подушку, и вдруг лежавший на тумбочке сотовый залился трелью. Я схватила телефон.

– Алло! – раздался веселый голос Александра. – Встала, моя лапочка? Что делаем? – это был нарочито бодрый голос мужа, который заботится о своей больной жене. И этот голос почему-то вызвал у меня сильнейшее раздражение.

– Я еще сплю.

– А с кем ты тогда разговариваешь?

Я невольно проснулась.

– С тобой, кажется. Хотя, может быть, я до сих пор сплю, – ехидно добавила я.

– Я рад, – голос мужа вдруг стал серьезным. – Рад, что ты смеешься и у тебя хорошее настроение.

– Я рада, что ты рад.

– Вот и славненько!

– Где ты? – Я поймала себя на мысли о том, что я стараюсь соответствовать ему и играю роль жены, которая интересуется, где ее муж.

– На работе, где же мне быть еще! Все пашу, как проклятый, вместо того, чтобы быть рядом с тобой. Это единственное, о чем я жалею.

– И когда будешь?

– Не знаю. Как освобожусь – позвоню. Не скучай!

– Постараюсь.

– Мариночка! Тебе и правда лучше?

– Наверное, – скороговоркой сказала я и дала отбой.

Внутри я ощутила глубокую усталость: сколько я буду еще притворяться? И как скоро разоблачат мой обман?

Прошло несколько дней. У меня был постельный режим, и даже еду мне носили наверх. Однако я потихоньку вставала с кровати и ходила по комнате.

Однажды я поняла, что окрепла и вполне могу спуститься вниз.

Раскрыв гардероб, я нашла там кучу модной одежды. Видимо, я была еще той модницей и выбирала стильные вещи. Была там и парочка откровенно экстравагантных нарядов, вроде ярко-красного платья с глубоким вырезом впереди. Интересно, куда я в нем ходила? Не иначе,

как в ресторан или на модные вечеринки. Я повертела платье: оно было шелковым, тяжелым и переливалось в руках.

Я разделась для примерки. Сейчас я видела себя в зеркале целиком. На моем бедре был шрам. Откуда? Я упала и поранилась? Когда это случилось? Я дотронулась до шрама... Моя проблема была в том, что я ничего не помнила. Кем я была в прошлой жизни, что со мной происходило. Единственное, что я могла сказать, – у меня был муж. Александр. Все остальное было зыбким и нереальным...

Я надела платье и посмотрела на себя в зеркало шкафа. Платье было мне чуть велико в бедрах, а в груди – мало. Я посмотрела на себя внимательно – около рта была складка, а в зелено-ореховых глазах затаилась грусть.

– Мариночка! – прошептала я, глядя свое отражение. – Мариночка!

Где-то внизу хлопнула дверь, и я поспешно сняла платье. Чувствовала я себя уже лучше, побаливало плечо, и немного кружилась голова. Но это понятно – все-таки я была еще очень слаба. В гардеробе я нашла светлое платье и надела его. Сунула ноги в туфли, стоявшие около двери, и сошла вниз по лестнице.

Эльвира Николаевна ждала меня внизу, как будто специально подкарауливала.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она, старательно выговаривая слова.

– Хорошо. А что на завтрак?

– Ваши любимые мюсли с молоком и тост с сыром. Как вы любите.

– Спасибо.

Мюсли я съела всего полтарелки, они показались мне совершенно безвкусными, а тост с сыром – слишком тонким.

– Хлеба можно? И масла! Я хочу сделать бутерброд с маслом.

– Конечно.

Эльвира Николаевна принесла мне хлеб, нарезанный ломтями, масло и сыр.

– Ваш кофе.

– Можно чай?

– Да. Одну минуту.

Позавтракав, я вышла на террасу. Солнце уже поднялось и весело заливало все ярким светом. Прямо около дома была большая клумба, где от ветра покачивались астры и желтели бархатцы, а посередине росли лилии. Мне вдруг захотелось пройтись по земле босиком. Я скинула туфли и пошла по земле.

– Вы простудитесь! – крикнула мне вслед Эльвира Николаевна. – Наденьте туфли!

– Успеется! – крикнула я. – А здесь есть речка?

– Какая речка? – Эльвира Николаевна сделала вид, что не поняла моего вопроса.

– Обычная. Где можно искупаться.

– Нет. Такой в наших окрестностях нет, – но по ее голосу я поняла, что она врет. Муж дал строгие инструкции, чтобы больную не выпускали за пределы дачи. Это понятно. Если я уйду, ей потом голову свинтят.

– Ладно. Спрошу у мужа.

– Александр придет не скоро, – высоким натянутым голосом говорит Эльвира.

– Я знаю. Он мне уже звонил.

Я обошла клумбу вокруг. Земля приятно холодила ноги, деревья на участке были посажены друг от друга на одинаковом расстоянии. По периметру красовались треугольные елки, как на картине.

– Вы не хотите поплавать в бассейне? Он сзади дома, – крикнула Эльвира Николаевна.

Вода в бассейне была чисто-голубой, прозрачной. Вокруг бассейна стояли шезлонги, я уселась в один из них и вдруг поймала себя на мысли, что никак не вписываюсь в эту картинку. Картинка есть, а меня – нет.

– Так вы будете купаться? Принести вам халат? – надрывалась Эльвира Николаевна.

– Я сейчас приду, – крикнула я и пошла вверх. В шкафу я нашла пару купальников – один из них был леопардовой расцветки, другой – бирюзовый. Под платье я надела бирюзовый купальник и снова спустилась по лестнице.

Эльвира Николаевна стояла возле шезлонга.

– Вам сделать коктейль? – спросила она.

– Нет. Пока не надо.

Я нырнула в воду и поплыла к противоположному бортику.

Отфыркиваясь, я вынырнула из воды и увидела прямо перед собой мужские ботинки. Я подняла голову и наткнулась взглядом на мужчину лет тридцати – русого, среднего роста, с серо-стальными глазами. Он смотрел на меня внимательно, даже сосредоточенно, как будто рассматривал диковинный экземпляр.

– Добрый день! – голос был низким и чуть хриплым.

– Добрый! – я почему-то не могла отвести от него взгляд.

– Вы тут аккуратно плавайте, – предупредил он меня.

– А что? Можно утонуть?

– Вы еще очень слабы и активные физические упражнения вам вредны.

– Спасибо за заботу. Вы, наверное, мой доктор?

– Не имею чести им быть. Я – телохранитель.

– Вот как! Я вас не нанимала.

– Меня нанял ваш муж. Смотреть за вами и оберегать.

– Я в ваших услугах не нуждаюсь.

– А вас никто и не спрашивает. Мое дело маленькое: наблюдать за вами и следить за всеми перемещениями.

Я упала в воду и поплыла на спине; сквозь сомкнутые ресницы я смотрела на незнакомца, который почему-то непонятным образом взволновал меня. Глухое раздражение, смешанное с любопытством, ворочалось где-то внутри. Я поплыла обратно. Он все так же стоял, немного расставив ноги, и смотрел на меня. От его взгляда мне стало неловко, и я опустила голову, чтобы он не увидел краски, разлившейся на моем лице.

– Послушайте, как вас зовут?

– Вадим.

– Я – Марина.

– Я уже знаю, знаком заочно. Ваш муж рассказывал о вас.

– А что он говорил?

Вадим усмехнулся:

– Только хорошее. Другие вещи мужа обычно и не говорят.

– Похоже на издевку! – с досадой воскликнула я.

– Ничуть! Можете спросить у него сами.

Я повернулась спиной.

– Эльвира Николаевна! – позвала я экономку. – Принесите мне коктейль!

– Какой? Ваш любимый?

– Да-да.

Я вылезла из воды, ощущая на себе взгляд Вадима: пристальный, мужской. Плюхнувшись в шезлонг, я вытянулась на нем, подставляя лицо и тело солнечным лучам. Эльвира Николаевна принесла коктейль, и я принялась лениво через трубочку потягивать его, время от времени поглядывая на Вадима. Он уже отошел в сторону и сел на стул. Нас разделял бассейн, а мне почему-то захотелось, чтобы он был рядом. Выпив один коктейль, я попросила другой. В голове зашумело...

Я встала и подошла к бассейну.

– Эй, вы! – позвала я телохранителя.

– Да, слушаю!

– Вы не можете здесь торчать все время! Это неправильно.

– Я охраняю вас и поэтому обязан быть рядом.

– Вы... мозолите мне глаза, – сказала я сердито, – и я чувствую себя как под колпаком.

– Мне за это платят.

– Но мне это не нравится!

– Мне тоже много чего не нравится.

– Хам! – вырвалось у меня.

Он усмехнулся, покачал головой, но ничего не ответил.

Вскоре приехал муж.

– Саш! – мы сидели с ним наверху в моей спальне, и он держал меня за руку. – Зачем мне телохранитель?

– Маленькая! – муж погладил меня по голове. – Ты же помнишь налет в больнице? Как я испугался за тебя! Я понял, что могу внезапно лишиться самого дорогого. Конечно, я принял все меры, чтобы уберечь тебя от подобных инцидентов в будущем. Я не могу больше рисковать тобой!

– Я понимаю. Но этот Вадим...

– Что – Вадим? Он – надежный человек.

– Ты уверен?

– Маленькая. Я проверяю людей, прежде чем брать их на работу. Можешь даже не сомневаться. Если бы я был не уверен в Вадиме, я бы не работал с ним. И тем более не нанял бы его охранять самый дорогой для меня объект. – И Александр поднес мою руку к губам. – Ты имеешь что-то против него?

– Нет. – Я отняла руку. – Ладно, замнем этот разговор. Считай, что его и не было.

– Я рад, что твое здоровье поправляется. Очень рад. – Александр хотел сказать что-то еще, но замолчал.

Я сидела и чувствовала внутреннюю неловкость. Мы еще ни разу не были близки с мужем с тех пор, как я приехала в этот дом. Каждый вечер я вся сжималась от того, что Александр в любой момент может сказать: «Я буду ночевать здесь». А то и вовсе ничего не будет говорить, просто возьмет и останется.

– Я пошел, – сказал Александр, целуя меня в щеку. – Мне еще нужно поработать с бумагами. Накопилось работы всякой – не разгрести... Спи. До завтра.

– До завтра, – с облегчением вздыхаю я.

Утром у меня все валилось из рук, да и небо было неприветливое, затянутое тучами. Я спустилась вниз, позавтракала и поймала себя на том, что все время смотрю на дверь – войдет или нет Вадим. Я хотела его увидеть и в то же время боялась этого. «С чего бы такое?» – хмурилась я. Мужик как мужик, к тому же хам и строит из себя независимого. Для такого женщина – существо второго сорта, даже если это жена работодателя, что уж там говорить об остальных! Эльвира Николаевна ушла куда-то, я сидела в кухне одна и пила чай. Рядом с чашкой я положила сотовый. Мог позвонить Александр, а бежать на второй этаж не хотелось.

На улице раздалось гроыханье: резкое, протяжное. Зашумело в деревьях, небо стало из серого набухше-синим, и дождь внезапно полился косыми струями по стеклам.

И все-таки он вошел бесшумно, неслышно. Я скорее почувствовала его присутствие спиной и, вздрогнув, обернулась.

– Как вы меня напугали! – вскрикнула я. – Разве можно так?!

– Как «так»? – он смотрел на меня без улыбки.

– Подкрадываться незаметно, – сказала я. – Так можно людей и по-настоящему напугать.

– А вы такая пугливая? Пардон, не знал.

– Да нет! – с досадой вырвалось у меня. – Я не то хотела сказать!

– А что?

И тут меня начала бить мелкая дрожь, которую я не могу сдержать. Я вцепилась в чашку, чтобы успокоиться или скрыть дрожь; мне хочется, чтобы Вадим ушел, но я не знаю, как сказать ему об этом. Мне хочется остаться одной. Вместо этого я как со стороны слышу свой голос:

– Хотите чай или кофе?

– Чай, – резко бросает он, и я услужливо вскакиваю с места и бегу к плите. Спиной я чувствую его тяжелый взгляд, и большая белая чашка выскальзывает у меня из рук; осколки летят в разные стороны.

– Разбилась, – прошептала я. – Надо же.

Я присела, собирая руками осколки, Вадим, наклонившись, стал помогать мне. Наши ладони случайно встретились, и я удивилась, что мои руки холодны как лед, а его – сухи и горячи. Я выкинула осколки чашки в ведро и налила воды в электрочайник.

Вода, наконец, забулькала, и я заварила чай в пузатом чайнике с яркими розами.

– Вам покрепче?

– Да, – бросил Вадим, а внутри у меня все сжимается. Я... боюсь этого человека, но вместе с тем чем-то он притягивает меня. До судорог. До головокружения. А если я знала его раньше?

Я изучающе смотрю на него, пытаюсь отыскать в глубинах памяти что-нибудь, что дало бы мне хоть какую-то зацепку, толчок, знак. Но тщетно. Моя память, как пуленепробиваемый сейф, закрытый на сверхсложный кодовый замок.

– Чего смотришь! – говорит Вадим, переходя на «ты».

И я страшно пугаюсь от одного звука его голоса. А если он был одним из тех, кто напал на меня в больнице? Я же их плохо запомнила. Эта мысль абсурдна и глупа, но мне непонятно: почему этот человек вызывает у меня такое паническое животное чувство страха. Этот страх зарождается где-то в солнечном сплетении и поднимается выше – к горлу. Мне хочется выплюнуть его, вытащить из себя. Но я лишь прикладываю руку к шее.

– Что-то случилось?

– Н-нет.

Я поставила на стол коричневую чашку с пальмой и придвинула сахарницу.

– С сахаром не употребляю.

– Извините, – говорю я почему-то шепотом. – У меня очень... болит голова. Вы тут пейте. А я пойду к себе.

– Иди... те, – буркнул Вадим, не поднимая головы.

Я пулей несусь вверх, на второй этаж. И влетаю к себе в комнату. Я бросаюсь к окну. Дождь заливал все вокруг, вселенский потоп. Но где Эльвира Николаевна? Я вдруг понимаю, что не знаю номера ее телефона. Может быть, позвонить мужу? Что сказать? Мне страшно от одного взгляда телохранителя, которого ты нанял? Я боюсь оставаться с ним в доме, приезжай скорее, пока он... Что «пока»? И как Александр отреагирует на мою истерику? Лишний раз убедится, что у меня не все в порядке и болезнь приняла затяжной характер? А я боюсь этого больше всего: что он упечет меня в психушку, откуда уже никто и никогда не вытащит...

Нет, звонить ему не стоит. Лучше просто подождать, когда он приедет. А когда он приедет? Александр приезжал всегда без предупреждения, я не знала, когда он заявится с работы домой. Иногда он звонил и ставил меня в известность. Иногда – нет. Я поймала себя на том, что стою у окна и дрожу, как весенняя береза от порыва ветра.

Дождь изо всех сил хлестал по стеклу, и пейзаж за окном размывался угрюмым серым пятном. Где-то раздался странный звук, словно что-то упало, и я, насторожившись, прислушалась. Сомнений не было: тяжелые шаги раздавались на лестнице. Я метнулась к двери. Но

поняла, что уже не успею выбежать. Звонить мужу? Я вспомнила, что мобильный остался на первом этаже в столовой. Чего от меня хочет Вадим? Завершить то, что не сделали его подельники в больнице? Но неужели они не поняли, что я – дама с дырявой головой и абсолютно ничего не помню? Получается, что я все же обладаю некоторой ценной информацией, только сама не знаю – какой.

Может быть, открыть окно и попытаться выпрыгнуть... А что?.. Тут не так высоко, и упасть я могу удачно, ничего существенно не повредив. «А если несущественно, – возразил кто-то внутри меня. – Если ты сломаешь ногу, то как далеко сможешь уйти, точнее – доползти?» Я схватилась рукой за раму. Шаги раздавались совсем близко. Я дернула шпингалет, но он не поддавался.

Дверь распахнулась, и в проеме возник Вадим.

– Ч-то вам надо?

– Ничего, я же телохранитель и должен все время держать вас в поле зрения.

– Со мной все в порядке, – быстро говорю я. – Вы можете идти вниз. Я вас не звала. Если будет надобность – позову. А где Эльвира Николаевна?

– Поехала в город. Она разве не говорила вам?

– Нет. Я и не спрашивала.

Он по-прежнему стоит в дверях, и во мне рождается настоящая паника.

– Что-то еще?

– Ничего! Отойдите от окна. Не дай бог, оно распахнется, и вы вывалитесь наружу.

– А почему оно должно распахиваться?

– Всякое бывает! Отойдите.

– Хорошо, – все так же торопливо говорю я. – Отойду.

– Я жду. Или вам помочь?

– Нет, – завизжала я. – Не подходите ко мне!

– Я и не подхожу. – Вадим делает несколько шагов вперед. – Мое дело отвечать за вашу безопасность. Все остальное меня не волнует.

– Вот-вот. За безопасность!

Я поворачиваюсь к нему спиной и рву изо всех сил шпингалет. Он поддается, и окно распахивается настежь. В комнату врываются дождь и ветер, капли падают на платье. В один прыжок Вадим оказывается около меня и сгребает в охапку. Я вся дрожу в этих сильных крепких руках, вдыхая его запах. Странное чувство бессилия охватывает меня, и неожиданно я обвиваю его шею руками и утыкаюсь в плечо. Он берет меня за подбородок и смотрит в глаза. А потом впивается в губы хищным поцелуем. У меня ноют десны, сладко екает в груди. Он прижимает меня к себе, несет на кровать и опускает на нее. Моя кожа горит от его прикосновений. Кажется, уже когда-то были эти прикосновения-ожоги, эта прохладная нежность, похожая на освежающий мятный коктейль, эти губы, от которых сводит скулы, а внутри рождаются нежность и печаль, и еще чувство обреченности, что это не навсегда.

Он касается меня нежно, едва-едва, как будто бы крылья гигантской бабочки порхают по моему телу, и я, как древняя иссушенная земля, покрываюсь разломами и трещинами. В местах прикосновений я разламываюсь до основания, до судорог. До полного неузнавания самой себя. Это явь или сон? Или обморочное забытие до стирания границ всех миров? В его губах таился привкус талой воды и свежего ветра, как это бывает ранней весной... И здесь что-то глухо заурчало, зашевелилось во мне.

Весна, талая вода... и сумасшедший ветер, который уносит все воспоминания, чтобы писать новую историю на новом холсте.

– Весна! – прошептала я.

– Сейчас лето, – напоминает он мне и кусает за мочку уха.

– А я решила, что весна.

– Почему? – раздается его спокойный голос. – У тебя возникли какие-то ассоциации, воспоминания?

Я прислушиваюсь к себе. Ничего.

– Это так. Минутное наваждение.

Рядом раздался легкий вздох.

Я ухватила его за большой палец.

– У меня такое чувство, что я тебя знаю.

– Может быть...

– Ты говоришь загадками.

– Дело в тебе, ты должна вспомнить.

– Что вспомнить?

– Все.

Его губы перекрывают мне дорогу к воспоминаниям. Потому что в эту минуту я не могу думать ни о чем другом, кроме этих наглых восхитительных губ и это мускулистого тела, в котором я растворяюсь без остатка.

Я рада заблудиться на всех этих заманчивых перекрестках и тропинках, потому что этот омут, затягивающий меня, уничтожает всякое желание когда-нибудь выбраться из него. Мои стоны-всхлипы и его тяжелое дыхание – все переплелось в один клубок, который было невозможно распутать. Да и не хотелось.

Его тело дарило наслаждение-забвение. И я с трудом вынырнула из этого забытья.

– Ты жива?

– Ага, – слабым голосом откликнулась я. – И я тебя знаю давным-давно. Всю жизнь.

– Ну, слава богу! – выдыхает он. – Я уж думал, что ты меня никогда не вспомнишь.

Я хмурюсь и пальчиком трогаю его брови.

– А мы... друг друга знаем? Это просто у меня такое чувство, что я тебя давно знаю. Понимаешь, ощущение...

Он отстраняется от меня и, приподнявшись на локте, всматривается в лицо, словно хочет понять: правду я говорю или лгу.

– Я не лгу, я вправду ничего не помню. Здесь – я дотрагиваюсь до головы, – полный провал – пустота. Если бы я могла вспомнить...

– Ничего?

Я отрицательно качаю головой.

– Ничего.

– А если попытаться...

Резкий вздох застревает у меня в груди.

– Я пытаюсь. Изо всех сил. Но не могу.

– Попробуйся, пожалуйста... Это важно для тебя, для нас.

– Для нас, – эхом повторяю я и беру его за руку, а потом кладу ее на грудь. Мой сосок набухает, и снова волны желания затапливают меня. Я поворачиваюсь на спину. Его рука скользит по спине и спускается ниже. Легкий стон исторгается из меня.

– Я могу дать тебе одну подсказку. Тебя зовут не Марина.

– Не Марина? – Я замираю. Недаром мне это имя с самого начала казалось чужим и не подходящим мне. А теперь оказывается, это не мое имя. Мое предчувствие оказалось верным.

– Тебя зовут Настя!

– Настя? – повторяю я. – Настя!

Он дотрагивается до моего бедра.

– Здесь шрам. Откуда? Раньше его не было. И совсем свежий.

– Не знаю, – шепчу я. – Правда, не знаю...

Внезапно я вскакиваю с кровати.

– Мой муж! Он, наверное, скоро приедет с работы.

– Нет. Он сначала позвонит мне, я буду знать, когда он поедет из города.

– А вдруг он что-то заподозрит и тогда...

– Тебя это реально волнует? Забей!

– Я не хочу подставлять тебя. А потом, – и горькая улыбка трогает мои губы. – Ты забыл, что у меня дырявая башка? А с таким багажом далеко не уедешь!

– О себе я в состоянии позаботиться сам. Но ты права, пока ты не узнаешь, кто ты... – Он хватается за руку и притягивает к себе, – я хочу, чтобы ты вспомнила все. Понимаешь – все?

Его рука поднимается выше, он кладет ее на горло, и я физически ощущаю, как сладкий спазм вспарывает меня изнутри. Я целую его руку, перебирая пальцы. Этот мужчина обладает надо мной странной колдовской властью, от которой мне даже не хочется избавляться, так она приятна, желанна и сладостна.

Он рывком встает с кровати, и мои глаза скользят по его тренированному телу, рельефным мышцам, наконец мой взгляд упирается в его подбородок, и у меня внезапно вырывается:

– Мне так... стыдно!

– За что? – в хриплом голосе звучит странная нежность.

– За себя. Я просто не могу... Я... хочу еще.

Он прижимает меня к себе.

– Что ты со мной делаешь? – простонала я. – Это чистой воды безумие!

– Ровным счетом ничего противозаконного, – и я чувствую, как он улыбается.

– У нас есть еще время?

– Навалом...

Мы опускаемся прямо на пол, каждое движение его тела отзывается во мне вспышками наслаждения. Он поцелует, закрывает мне рот, и я впираюсь в сухие твердые губы...

Когда он уходит, я нахожусь в полном смятении и брежу в ванную. Я смотрю на себя в зеркало и вижу незнакомую женщину. Горят глаза, горит кожа на лице, я дотрагиваюсь до нее. Что со мной? Кто я? И кто этот мужчина, который уверяет, что мы были когда-то знакомы... Но почему мы расстались? Зачем?

Дождь прошел. А мне хочется искупаться в бассейне. Охладить кожу... Я надеваю купальник и спускаюсь вниз. После дождя кругом мокро. И погода явно не располагает к купанию. Я иду в кухню и делаю себе коктейль. Я достаю из бара в гостиную французский коньяк и наливаю в коктейль. Мне внезапно становится тошно, и я почти ненавижу себя за то, что не могу ничего вспомнить и живу как призрак среди живых людей. Беру бокал коктейля и иду к бассейну. Я выпиваю коктейль и иду делать второй...

Хмель ударяет в голову, все качается, плывет передо мной. Я хочу позвать Вадима, но его нет рядом. Наконец, я вижу, что он идет от будки охранника. Я машу ему рукой, и тут моя нога скользит, и я плюхаюсь в бассейн, моментально уйдя под воду.

Вода заливается в уши, в горло... я взмахиваю руками и ногами, внезапно ставшими тяжелыми... я тоню, передо мной мелькают картины жизни – вот я собираю клубнику в деревне, вот моя мать... ее лицо четко всплывает передо мной. А затем – другое лицо... Вадима... ночь, тесная комната, его тело, и на губах – привкус талой воды...

Как выпитое шампанское, мне в голову ударяет вся моя прошлая жизнь, и я начинаю энергично двигаться в воде; отплевываясь и отфыркиваясь, я всплываю на поверхность и смотрю на Вадима. Он уже ныряет в воду, прежде чем я успела ему что-то сказать, и вытаскивает меня.

Я судорожно дышу, из меня льется-выплескивается вода. Я сплевываю и мотаю головой.

– Я все вспомнила! – выпаливаю я.

Он непонимающе смотрит на меня.

– Я вспомнила, – выпаливаю я. – Ночь в отеле, убийство Бергер. Я – Настя Вострцова.

Три недели назад

– Тебе кофе с корицей или без? – муж смотрел на меня, улыбаясь. От этой его улыбки хотелось спрятаться под одеяло и сладко мурлыкать. Что я и сделала. Он подошел ко мне и сдернул одеяло.

– Тиран! – завопила я. – Деспот, ты крадешь у меня полчаса утреннего сна.

– Не хватит ли спать?

– Сегодня выходной. Можно и поваляться!

– Крайне непродуктивная трата времени.

– Вот, – я села на кровати – растрепанная и покрасневшая. – Сразу виден бизнесмен. Причем безнадёжный бизнесмен. Сухарь, которого ничего не интересует, кроме собственного бизнеса. Ни жена, ни дом.

– Как раз жена меня даже очень интересует. – Александр сел на кровать и положил руку мне на спину. Потом рука скользнула ниже.

– Ну, нет уж! – я перехватила его руку. – Такими дешевыми приемчиками ты у меня прощения не выпросишь!

– А что, надо выпрашивать?

– Еще как! Утренний сон для меня священен. И ты это знаешь!

Муж встал с кровати и, отойдя на два шага, воздел вверх руки.

– И это говорит домохозяйка – человек, который свободно распоряжается своим временем. И может дрыхнуть, сколько ему заблагорассудится!

– Молчал бы правды ради! Кто встает рано утром и готовит тебе завтрак? А кто провожает тебя на работу утром? Мэри Поппинс?

– Кстати, мне никогда не нравилась эта старая дева. И книжки Трэвэрс я не люблю. Между прочим, она ненавидела Советский Союз. А коммунизм считала величайшим злом!

– И это говорит капиталист-либерал?

– Ну и что? В Советском Союзе прошло мое детство. И очернять его не надо даже всемирно известной детской писательнице.

– Оставим Трэвэрс в покое!

– Не возражаю. Так какой тебе кофе в постель? С корицей или без?

– Без! – я откинулась на подушки. – Сегодня – без. Надо же хоть иногда вносить разнообразие в семейную жизнь.

– Целиком и полностью с тобой согласен, – поддержал меня муж. – Возражать не стану.

– Вот и отлично.

Это было обычное семейное утро, расписанное как по нотам. Еще когда мы собирались пожениться, Александр сказал, что будет приносить мне кофе в постель. Я тогда подумала, что это сказано просто так, ради красного словца, но оказалось, что слово муж сдержал. И каждое воскресенье он приносил мне кофе в постель – такой вот маленький семейный ритуал. Потом нас ждал завтрак, затем мы выбирали, куда пойти. Иногда мы делали это в субботу. Боулинг, каток или поход в кино. На этот раз мы ничего не выбрали и планировали сделать это за завтраком. Я выбралась из-под одеяла и пошлепала босыми ногами к шкафу. Открыв зеркало, я какое-то время разглядывала себя.

К своей внешности я относилась ужасно критично и не понимала: что во мне мог найти такой интересный мужчина, как Александр. Худая, высокая, длинные светло-рыжие волосы доходили до лопаток. Рот был большим, губы – тонкими, как у Джулии Робертс, шутил муж. «Все ясно, – громко говорила я, – ты женился не на мне, а на Джулии Робертс». – «Ничего подобного, – возражал он. – Именно на тебе, моя колючка!»

Глаза... глаза были красивыми, здесь я не спорила. Светло-зеленые. Большие, с густыми ресницами...

Я не успела закончить самолюбование, когда услышала сзади вкрадчивое:

– А почему ты встала? Марш в постель! А то свой кофе не получишь! Сколько раз тебе можно говорить: до кофе не вставать...

Я нырнула обратно в постель и зажмурила глаза. Муж поставил на кровать поднос и торжественно провозгласил:

– Теперь можешь открыть.

Передо мной стоял мельхиоровый поднос с красивым витым узором по краям, на нем чашка из тонкого белого фарфора, а в ней – кофе с молочной пенкой.

– Все для тебя!

– Уф! Спасибо.

– Все для тебя – моря и океаны... – шутливо пропел муж. – Вот так я тебя люблю – старый, преданный и глупый.

– Ну, нет, – энергично запротестовала я. – Ты не старый и не глупый!

– Как посмотреть... Но за комплимент – отдельное спасибо. Приятно иметь такую любящую женушку!

Я отпила один глоток и посмотрела на мужа. Конечно, с точки зрения большинства женщин я была счастливницей, вытянувшей лотерейный билет. Мой муж был успешным красивым мужчиной. А я – Золушкой при нем. Во всяком случае, я не выглядела ни ярко, ни эффектно. Даже история моего замужества выглядела как сказка про Золушку.

До семнадцати лет я тихо-мирно жила себе в поселке городского типа под названием Косые Кручи. В советские годы поселок назывался Слава Октябрю, но в начале двадцать первого века, когда уже больше половины жителей разъехались кто куда, ему вернули старое название. После окончания школы молодняк рвался в районный центр и оседал там. Кем я хочу быть – я даже и не задумывалась. Мамаша гудела в уши про профессию бухгалтера, которая, как ей казалось, способна обеспечить безбедное и стабильное существование. С моим отцом она рассталась вскоре после моего рождения и воспитывала меня всю жизнь одна. Главной целью жизни мать считала «вывести меня в люди и выдать замуж».

«Вывести в люди» шло первым пунктом, и профессия бухгалтера способствовала, по мнению матери, достижению этой цели. Оно и понятно: примером для подражания для нее двоюродная сестра – тетя Люба, зарабатывавшая в какой-то фирме, по словам матери, бешеные деньги, которые позволили ей купить двухкомнатную квартиру и обставить ее современной мебелью, раз в год отдыхать в Турции или Египте. Правда, тетя Люба пила как извозчик, в свои сорок выглядела на добрые пятьдесят и чуть что – кляла мужчин на чем свет стоит. За ее плечами было два официальных и еще парочка неофициальных браков. Жития рядом с дамой-гусаром никто долго не выдерживал, поэтому спустя энное количество времени мужчины ретировались, оставляя тетю Любу с разбитым сердцем и очередной байкой на тему: «Все мужики сво...».

После окончания школы мать отправила меня к ней, чтобы та присмотрела мне соответствующее учебное заведение и вообще взяла под свое крыло. Чего это стоило маме, я не знаю, потому что уломать или подольститься к тете Любе было все равно что подружиться с ротвейлером. Но тем не менее маме удалось невозможное, и в июле я переехала к родственнице, предварительно получив от родственницы инструктаж: что мне можно было делать, а что нельзя.

Список «нельзя» был весьма внушительным. Мне запрещалось болтаться по улицам, заводить сомнительные знакомства, встречаться с лицами мужского пола без ее ведома, приводить кого бы то ни было домой, разбрасывать вещи по комнате, смотреть до полуночи телевизор... Остальные пункты были уже не столь существенны.

Список был написан на листе, вырванном из школьной тетради в клетку, и вручен мне, когда я приехала к ней «для разговору». Увидев пункт: «Ни с кем не встречаться без ее ведома», я вскинула глаза, чуть не лишившись дара речи.

– А это еще почему? – ткнула я в написанное.

– А потому, – мрачно возразила родственница. Был выходной день. Она сидела вместе со мной на кухне, обставленной новенькой мебелью «под дерево», и заглядывала в пустую чашку с кофе. Очевидно, ей хотелось с утра выпить чего покрепче. Но присутствие неожиданной племянницы как-то сдерживало душевные порывы. – Забеременеешь. А мне расхлебывать. Перед Аделаидой отвечать.

Аделаида – это была моя мать.

– Так уж сразу и забеременею, – засомневалась я. – Для этого еще встречаться надо, жениться!

– Сейчас все по-простому: прыгнули в койку и порезвились. А дите куда потом девать? Нет, давай уж сразу договариваться. За тебя ответственности я никакой нести не хочу. Не устраивает – можешь уезжать в свои Кручи и пасти там коров себе на здоровье. Тебя в люди пытаются вывести, а ты...

– Ну, хорошо, – устыдилась я. – Согласна!

– Все остальное прочитала?

– Просмотрела.

– А теперь подпись ставь.

У меня глаза на лоб полезли.

– Это еще что?

– А то! Подписано – значит... если что – не отвертись. Знала, на что шла...

Работа в бухгалтерии заставила тетю Любу мыслить по-деловому. Правда, это ей не мешало пригревать время от времени на груди очередного прохвоста и кобеля.

Я поставила подпись на листе и протянула его родственнице.

– Это все?

– Не все! Будешь готовить, так как я на работе и устаю как собака, убираться, ходить за продуктами. И выгуливать Нору.

Нора была такса, превредное существо с обманчиво-кроткими глазами.

– Захмутили, – присвистнула я.

– Что?

– Это я сама с собой разговариваю.

– У психиатра давно проверялась?

– Неделю назад. Сказали, что здорова и можно на Марс лететь.

– Правда, что ли? – подозрительно спросила тетя Люба.

– Насчет Марса или психиатра? – уточнила я.

Но родственница лишь махнула рукой и наклонила голову так, что мне стали видны отросшие темные корни волос. Тетя Люба была типичной крашеной блондинкой.

С ее помощью я поступила в финансово-экономический техникум, и у меня оставался еще месяц до начала занятий. Я с тоской думала, что делать, – возвращаться к себе не хотелось. Слушать унылые причитания матери – кто как в жизни устроился и чего достиг – мне порядком надоело. Но и жить с тетей Любой было не сахар. Вот уже больше месяца я жила с ней. Крутилась как белка в колесе, но никакой благодарности не дождалась ни в письменной, ни в устной форме. Все мои развлечения сводились к гулянию с Норой в парке, и еще два раза я ходила в кино. В выходные я валялась в кровати и смотрела телевизор. Тетя Люба выделила мне комнату, предупредив, чтобы я ее «не засирала».

К тому же погода в августе здорово испортилась. Зарядили дожди один за другим, небо затянулось грозowymi тучами всерьез и надолго, и настроение было под стать. Будущая работа

мне уже активно не нравилась – я не любила цифры, математику, работу в офисе... Но кем быть – не знала, точнее даже не задумывалась. Говорить о своих сомнениях я ни с кем не могла, меня бы не поняли. Поэтому оставалось только молчать, смотреть телевизор и гулять с капризной Норой.

В тот день я не хотела никуда выходить, но Нора уже нетерпеливо тявкала у дверей, тучи скопились, предвещая затяжной дождь, самым лучшим выходом было бы забраться с ногами на диван и включить телик. Но прогулки с Норой являлись и моей святой обязанностью.

– Привязалась на мою голову, – громко сказала я. – И отвязаться от тебя никак нельзя...

В парке, где мы обычно гуляли с Норой, никого не было. Оно и понятно: кому охота гулять в такую погоду, когда вот-вот разверзнутся хляби небесные и город затопит дождем? Нора рвалась куда-то вперед, я спустила ее с поводка, и она прытко побежала по тропинке, уходящей в кусты.

– Нора! – вяло позвала я ее. – Нора!

«Ничего, набегается и придет», – подумала я. Никуда не денется. Я села на скамейку, и тут первая тяжелая капля упала мне на руку.

– Погуляли, – вздохнула я. – Домой шлепать надо.

Нора не отзывалась, и я невольно забеспокоилась. В случае чего родственница мне запросто свинтит голову за свою любимую таксу, в этом я даже не сомневалась, так что собаку нужно искать, и срочно.

Парк пересекала дорога. Я кричала и звала Нору, но она не откликалась, я выбежала на дорогу и чуть не попала под машину, вылетевшую из-за поворота.

– Эй! – сердито крикнули мне. – Ненормальная, что ли, куда лезешь?

– Сам дурак! – огрызнулась я. – Смотреть надо! Это не трасса «Формулы-один», здесь пешеходы, между прочим, ходят! А не Шумахеры гоняют.

Машина затормозила, и я невольно втянула голову в плечи. Похоже, оттуда вылезет крутой чел, чтобы накостылять мне за дерзость.

– Девушка! – услышала я вкрадчивое. – А вам никто в детстве не говорил, что грубить незнакомым людям нехорошо?

– Так вы же первые начали!

– Я испугался от неожиданности. Мне потом охота в тюрьму садиться, если бы с вами что случилось?

– Мне тоже неохота на больничной койке валяться или... – я замолчала.

Мужчина вышел из машины, и с минуту-другую мы смотрели друг на друга.

Мужчина был хорош собой. Таких тетя Люба обычно называла «залетными соколами», намекая на то, что в жизни женщины они долго не задерживаются. Рост выше среднего, спортивная фигура, подтянутый; возраст слегка за тридцать; волосы пшеничные; глаза светлые, как с обложки мужского журнала, к тому же загорелый. «Отдыхал на Кипре или в Турции», – мелькнуло в голове.

– Вы что здесь делаете?

– А вы? – не растерялась я.

Он усмехнулся и повертел головой.

– За словом в карман не лезете!

Я вздернула вверх голову и уже собиралась развернуться, чтобы отправиться дальше на поиски Норы, как вдруг незнакомый мужчина спросил:

– Я в этом городе впервые. Не подскажете, где здесь можно остановиться на пару дней и вкусно поесть.

– В гостинице?

– Естественно.

– Самая лучшая – «Золотой ручей». Она недалеко отсюда.

– Так я и думал, – губы его скривились в ироничной ухмылке. – И почему это в провинциальных городах так обожают все, связанное с золотом. Повышение статуса? И как мне туда попасть?

– Очень просто: едете прямо, потом направо, потом все время прямо. А дальше спросите. Ехать минут пятнадцать.

В небе гроыхнуло, налетевший ветер с протяжным свистом пригнул ветки деревьев, стоявших вдоль дороги, и дождь яростно застучал по полотну, листе, машине.

– Садитесь ко мне! – закричал мужчина. – А то вымокнете вмиг!

– Не могу! У меня собака!

– Что – собака?

– Пропала, где-то здесь бежит.

– Да садитесь же! Дождь постучит несколько минут и перестанет. Собака ваша отсиживается где-то в кустах. Не дура же она под дождем бегать! А вы моментально промокнете.

Он сделал несколько шагов ко мне и с силой потянул за руку.

Я оказалась в машине, где играла приятная негромкая музыка, пахло кожей и хорошим парфюмом.

– Ну и хватка у вас, – потеряла я руки. – Завтра синяки будут.

– Простите, не рассчитал силу.

Мы сидели в машине, от дождя все вокруг было расплывчато-серым, капли барабанили по капоту и окнам звонко и часто.

– Ненавижу дожди, – сказал мужчина. – Терпеть их не могу.

– Кто же их любит? – откликнулась я.

– Бывает... – неопределенно сказал он. – Кофе хотите? У меня есть в термосе.

– Хочу.

Мы пили кофе из пластиковых стаканчиков и молчали. Дождь постепенно стихал. Меня мучили угрызения совести: бросила Нору и где она вообще?

Я открыла дверцу машины:

– За кофе спасибо, но я пойду.

– Зачем? Сидите здесь.

Ничего не говоря, я шагнула в дождь и моментально стала мокрой.

– Нора! Нора!

С радостным повизгиванием из-за кустов выбежала мокрая Нора и бросилась ко мне.

– Вот и ты, негодяйка! – потрепала я собаку по холке. – Куда убежала-то?

– Идите в машину, – услышала я сзади.

– А собака?

– Вместе с собакой!

– Она же мокрая!

– Ничего страшного.

Мы с Норой забрались в салон, и вокруг нас сразу образовались лужицы.

– Наследили...

– Теперь в гостиницу. Вы мне покажете путь. Как вас, кстати, зовут? Вы так и не представились.

– Вы – тоже. Настя.

– Александр.

В гостинице нас встретили подозрительными взглядами. Мокрая девушка с собакой – это было слишком. Но предусмотрительно и вовремя сунутая в карман администратора зеленая бумажка сделала свое дело – нас пропустили.

– И куда мы?

– В номер!

- Что вы себе позволяете! – в моем голосе прозвенели металлические нотки.
- А что вы подумали? – улыбнулся мужчина. – Посидите и обсохнете. Только и делов-то!
- Все так говорят!
- Богатый опыт?
- Что вы себе позволяете!!!
- Тогда лучше не препираться по пустякам.

Номер был из разряда люкс. С тяжелыми бархатными портьерами, темной мебелью, огромной двуспальной роскошной кроватью и плазменным телевизором.

- Провинциальный шик, – скривился мой собеседник.
- Вы чем-то недовольны?
- Нет-нет. Вполне прилично. Даже превосходит мои ожидания. Хотите принять ванну?
- Н-нет.
- Ну хотя бы снимете одежду и переоденьтесь в махровый халат!
- Мне, наверное, лучше уйти.
- Послушайте, – мужчина встал напротив меня, засунув руки в карманы. – Вы что так

дичитесь? Я в конце концов вас не съем!

- Я не «дичусь». Мне и правда пора.
- Куда вы пойдете в таком виде? Обсохнете, давайте поедим в ресторане, а потом я вас довезу до дома.

– Ой, нет! – воскликнула я, представив, как на глазах у старушек на лавочке я вылезаю из импортной тачки в сопровождении импозантного мужчины.

- Все понятно. Местные нравы и обычаи, и еще кумушки на лавочках. Я угадал?
- Ну... почти.

– Так. Сейчас я вызываю администратора, и он дает вам одежду, вы переодеваетесь, и мы едем в ресторан. Потом возвращаемся, вы вновь переодеваетесь, и я высаживаю вас за два дома, чтобы никто не видел. Идет?

- Хорошо. Я согласна.
- Одолжение делаете? – спросил он с каким-то сумасшедшим веселым блеском в глазах.
- Делаю!
- Вас не поймешь: вы серьезно говорите или голову морочите?

В ответ я промолчала.

Через полчаса мы выходили из гостиницы в сопровождении администраторши с золотым зубом, расточавшей нам елейные улыбки (я подозреваю, что причиной тому была еще одна бумажка, перекочевавшая в ее карман), и таксы Норы. Я не пожелала оставить собаку, несмотря на уговоры Александра. На мне было платье, свободное в груди и плечах (меньший размер администраторша найти не смогла), и туфли, жавшие ногу. Но это уже были мелочи, на которые я не обращала внимания.

В ресторане мы сидели за столиком в углу, и Александр был так странно задумчив, что я приписала его состояние неловкой ситуации, в которой он оказался. Выгнать меня сию минуту он не мог, учитывая мои оставленные в гостинице вещи, а находиться дальше в моем обществе ему было тягостно. Я решила прервать затянувшуюся паузу:

- Спасибо, все было очень вкусно, но нам пора. Вы, наверное, с дороги устали...
- Откуда вы знаете, – сердито сказал мужчина, – устал я или нет?
- Догадываюсь. Нам пора ехать.
- Вы куда-то торопитесь?

Мне стало смешно.

- Да, тороплюсь, сдать собаку на руки хозяйке.
- И все дела?
- Почти. Меня еще ждет уборка квартиры, покупка продуктов и готовка ужина.

– Бог мой! Да вы что, Золушка, что ли?
– Почти.
– И у кого в услужении?
– Не в служении, а проживаю. У родной тети.
– А мамаша где?
– Мы будем обсуждать мою жизнь? – тут уже рассердилась я. – К чему это? Я вас жду у машины.

– Подождите... Настя... – мужчина накрыл мою руку своей. – Извини... те, если что не так. Я хочу еще попить кофе. Не возражаете?

– Н-нет. – Я плюхнулась обратно на стул. – Не возражаю.

– Извините, если я чем-то вас обидел. Не хотел.

Слышать извинения от этого мужчины было так странно, что я замолчала...

– Расскажите о себе...

Я тряхнула волосами.

– Рассказывать, собственно говоря, нечего. Да и не хочу я этого делать.

– Грустная история?

Я пожала плечами.

– Обычная провинциальная история. Вам это неинтересно.

– Не говорите так, – теперь в его голосе звучала почти мольба. – Мне – интересно.

Я отбарабанила вкратце свою биографию и снова замолчала. В ресторане зажегся мягкий свет.

– Вам кофе? – материализовался прыщавый официант.

– Барышне тоже.

– Я не пью кофе вечером.

– Привыкайте. В этом есть особый шик – пить кофе вечером.

Кофе был вкусным, в маленьких чашечках. Я выпила и посмотрела на мужчину. Он откинулся назад и смотрел на меня, не отрываясь. В глазах горели странные огоньки, и мне стало не по себе. Уж не влюбился ли он в меня? Ну, это, по меньшей мере, странно. Красотой я не блещу, особыми знаниями и умением вести бойкий разговор – тоже. У него, наверное, есть жена, комплект детишек и в придачу – длинноногая секретарша. Я съежилась под этим взглядом и повторила:

– Нам пора.

– Да-да...

Мы прошли к выходу, Нора бросилась к нам на крыльце, и мы пошли к машине.

– А погулять не хотите?

– Погулять? – растерялась я. – Нет. Не хочу. Меня ждет тетя...

– Я это уже слышал. А знаете что: представьте меня своей тете, и я уговорю ее отпустить вас погулять со мной. Небось без нее ничего не происходит?

Я вжалась, вспомнив текст на двух страницах и пункт насчет мужчин.

– Можно сказать и так. Но тетя... – и я запнулась.

– Меня не съест, – сказал Александр весело. – Не пугайтесь. С вашей тетей все будет в порядке.

– А с вами?

Тут он захохотал.

– Смешная вы, ей-богу! А со мной – тем более.

– Ну, знаете ли, – встала я с видом оскорбленной добродетели.

– И обижаетесь вы смешно. Как будто бы не знаете и прикидываете: обижаться или подождать. Такое поведение вам не идет.

– А что мне идет? – вырвалось у меня.

– Ромашки, зеленый цвет, смех, лицо без макияжа, вот как сейчас. Пушистые махровые халаты, мягкие подушки, плед, витые свечи, море...

Я смутилась. Все это очень плохо вязалось с моим сегодняшним образом жизни. И вообще... о чем мы тут толкуем!

– Я... вас... не понимаю.

– Я – тоже. В смысле сам себя не понимаю. Давайте не понимать вместе. Так лучше.

– Лучше – домой.

– К тете. – И он подмигнул мне.

Наше появление было воспринято тетей Любой как явление Христа народу. Она почему-то засуетилась-забегала по квартире, напирала на то, что стол у нее бедный, но красное вино имеется. И вообще она сейчас все соорудит. Александр подействовал на тетю Любу как удав на кролика, что было уж совсем невероятно. Она никак не могла успокоиться и взять в толк, что он здесь делает рядом со мной. Когда же он попросил отпустить меня с ним погулять, тетя Люба выпала в осадок и долго молчала, а потом выдавила:

– Куда?

Еще пять минут у нее ушло на переваривание информации, потом десять минут она сокрушалась, что мы не поели любительской колбасы и острой баклажановой закуски (присланной моей мамой в подарок) и не выпили по бокалу вина. А у нее еще и водочка есть. Но Александр так решительно отказался от ее угощения, что она замолчала и уставилась на него.

– Мы с Настей уходим.

– Ага! – икнула она. – Куда?

– Погулять.

– На улицу?

– На улицу, в парк, сквер, в кино. Мы еще не решили, куда мы пойдем. Будем думать...

– М-мм.

– Я верну вам ваше сокровище в целости и сохранности.

– А вы откуда будете? – встрепелась тетя Люба.

– Из Москвы.

– Белокаменной, – хихикнула тетя.

– Она же – Первопрестольная и Златоглавая. Из нее, матушки.

– Надолго?

– Пока не знаю. Вот вам мой телефон. Если что – звоните.

Мы ушли, оставив родственницу в тягостном раздумье.

Мы гуляли в парке, потом посидели в кафе, потом опять пошли в парк, где уже зажглись фонари. И там Александр сказал, прислонившись к столбу:

– Послушайте, Настя, выходите за меня замуж.

От неожиданности я споткнулась.

– Вы... серьезно?

– Серьезней не бывает. Я всю жизнь искал такую девушку, как ты. И рад, что нашел!

– Вы смеетесь надо мной... – робко сказала я. – У вас в Москве полным-полно ярких столичных красавиц.

На минуту мне показалось, что в глазах Александра вспыхнули искорки смеха, но тут же погасли.

– Милая моя, если бы ты знала, как мне надоели эти яркие столичные штучки. Каждая мнит из себя королеву и на всех смотрит сверху вниз. В Москве девушки давным-давно стали охотницами за мужскими кошельками. Их ничего не интересует, кроме денег. Они сразу сканируют мужчину на предмет квартиры-денег-тачки. И даже не могут этого скрыть. Если бы ты только знала, как это надоело! В Москве невозможно встретить девушку, с которой можно было бы поговорить по душам и на которую можно было бы положиться. В глазах горит только

желание заарканить жениха с бабками. Милая, это все так утомительно, если бы ты знала! Я устал от этого. – Он взял мою руку и поднес ее к губам. – Когда я увидел тебя, то понял: вот оно, мое сокровище...

– Вы... смеетесь надо мной!

– Ничуть. Если ты думаешь, что мужчина жаждет иметь дома эдакую современную амазонку, то глубоко ошибаешься. Мужчины – жутко консервативные существа. Им нужна преданная женщина, которая ждала бы дома и готовила вкусные обеды.

– Я не очень хорошо готовлю, – поспешно вставила я. – И я... не очень люблю сидеть дома. Мне нравится куда-нибудь выходить. Гулять.

– Милая. – Александр улыбнулся. – Ты даже не представляешь, какая ты наивная и неиспорченная натура. Этим ты мне и нравишься. Нам будет хорошо с тобой. Я обещаю тебе прекрасную семейную жизнь и кофе в постель.

Мне стало смешно.

– Я этого не просила.

– А я обещаю. Я буду носить тебя на руках, моя королева. Ты не представляешь, как я счастлив, что заехал сюда и встретил тебя. Теперь мне даже страшно подумать, что мы могли бы никогда не встретиться.

– А вы...

– Ты, – поправил он меня. – Называй меня на «ты».

– Ты был когда-нибудь женат?

Александр нахмурился.

– Я жил гражданским браком с одной женщиной. Четыре года. Но это очень печальная история.

– Почему? – спросила я.

– Видишь ли, – горько улыбнулся Александр. – Я любил эту девушку и мечтал на ней жениться. Но она сама откладывала этот момент. Ей нравилось держать меня в подвешенном состоянии. Женщины могут быть очень коварными. – Он замолчал. – А в один прекрасный день я вернулся пораньше домой из командировки и застал ее с лучшим другом. И... – Он провел рукой по волосам. – Я расстался с ней и какое-то время не мог смотреть на женщин. Мне было очень больно, что меня так предали... Я не ожидал этого от нее, и такой поступок больно ранил меня. Я утратил веру в женскую любовь и преданность, жизнь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.